

жения о жанровой квалификации одной из буддийских санскритских рукописей, добытых в Центральной Азии, — так называемой «Аваданы о гонге», хранящейся в фондах ИВР РАН.

Доклад М.И. Воробьевой-Десятковской «Космос и развитие буддийской философии» посвящен сравнительному анализу космологической проблематики в буддийской мыслительной традиции раннесредневековой Индии и Японии.

Т.В. Ермакова в докладе «Концептуальные идеи в трудах А.И. Вострикова, Е.Е. Обермиллера, М.И. Тубянского» глубоко проанализировала развитие теоретической мысли и научной проблематики Санкт-Петербургской буддологической школы в 1920-х — первой половине 1930-х гг. выдающимися учениками акад. Ф.И. Щербатского.

Путь О.О. Розенберга к созданию монографического исследования «Проблемы буддийской философии» панорамно представлен в статье Е.П. Островской «Пролегомены к „Абхидхармакоше“: теоретический вклад О.О. Розенберга».

Из докладов и статей культурологов хочется отметить актуальную по своей проблематике статью И.К. Москвиной «Государственный контроль перемещения культурных ценностей в странах ЕС и России: опыт культурологической компаративистики». Автором впервые в отечественной науке проводится сравнительная культурологическая интерпретация тех юридических понятий, посредством которых характеризуются предметы искусства, архивные материалы и документы, перемещаемые из страны в страну с целью выставочной деятельности или купли-продажи.

Среди докладов по вопросам социологии религии выделяются два — Б.Л. Четырковой «Роль буддизма в конструировании этничности калмыков и монголов» и Е.А. Островской «Транснациональный подход к анализу этно-религиозных конфликтов (Центральноазиатский узел)». В докладе Б.Л. Четырковой на богатом эмпирическом материале анализируются функции буддизма как символического ресурса этнической самоидентификации двух центральноазиатских народов, исторически исповадовавших эту мировую религию. В докладе Е.А. Островской выдвигается новая социологическая концепция

анализа геополитического соперничества мировых и региональных супердержав в зонах локальных этнических и этнорелигиозных конфликтов. Автор рассматривает конфликтные ситуации в Тибетском и Синьцзян-Уйгурском автономных районах КНР в контексте активности транснациональных коммуникативных сетей.

Резюмируя сказанное, хочется еще раз подчеркнуть высокий теоретический уровень трудов, опубликованных в сборнике «Четвертые востоковедные чтения памяти О.О. Розенберга», и пожелать организаторам конференции столь же плодотворно провести пятые чтения.

А.Е. Лукьянов

Кульганек И.В. Монгольский поэтический фольклор: проблемы изучения, коллекции, поэтика. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2010. — 240 с. (серия “*Orientalia*”).

Монография И.В. Кульганек представляет собой одно из немногих исследований в мировом монголоведении, посвященное комплексному литературоведческому анализу малых жанров монгольского поэтического фольклора. На настоящее время в современной монголоведной науке не существует специального монографического исследования, в котором были бы столь подробно охарактеризованы все жанровые разновидности монгольской народной поэзии, зафиксированные за период с XIII по XX в. Рассмотрение художественного поэтического творчества монгольского народа дано в контексте его традиционной культуры и мировоззренческих представлений.

И.В. Кульганек поднимает важные для современного литературоведения и фольклористики вопросы, одним из которых является научное осмысление источниковедческой базы, выявление, систематизация и исследование фактического материала, хранящегося в архивных и рукописных фондах. Полнота и всесторонний охват богатейшего собрания монгольского поэтического фольклора, как однородных (по своему типу и времени возникновения), так и гетерогенных (по составу жанров), позволяет проследить эволюцию «единства в многообразии», картину взаимо-

действия «текста» с литературными и фольклорными традициями. Рассмотрение этого многообразия как единой системы является важным не только для отечественного литературоведения, но и для мирового монголоведения в целом.

Автор выявил в различных фондах и коллекциях (в составе которых имелись тетради, дневники, отчеты, экспедиционные записи, наброски, рукописные и ксилографические сборники разнородных сочинений, книги и многое другое) огромный пласт «текстов» и определил их жанровую принадлежность.

Продуктивным в работе является исследование композиционно-структурной организации и историко-культурных предпосылок появления ряда произведений малых жанров. Автор использовал различные методы анализа (сравнительно-исторический, структурно-типологический, статистический) и обращался к опыту мирового литературоведения, в частности к разработкам западных ученых, рассматривающих литературоведческие понятия, термины и определения на междисциплинарном уровне, например на уровне синтеза литературоведческого анализа с лингвистикой, семиотикой, психоанализом.

Монография И.В. Кульганек композиционно выдержана и логически последовательна. Она включает Введение, три главы, Заключение, список использованной литературы, несколько приложений, в одном из которых помещены тексты образцов монгольской народной лирики. Одно из приложений включает глоссарий монгольских слов и терминов, за ним следует список исполнителей монгольского поэтического фольклора и перечень рукописей и ксилографов Рукописного фонда и материалов архива Института восточных рукописей РАН, содержащих фольклорные образцы и документы, характеризующие данный фольклорный материал. В приложении приведены тексты 5 благопожеланий, 2 песен, 40 так называемых «слов по случаю», три текста восхвалений. В Указателе имен дано более 600 фамилий людей, связанных с изучением и собиранием фольклора. Список исполнителей состоит из более 80 монгольских имен и более 30 — бурятских. Список рукописей, содержащих монгольский поэтический фольклор, включает рукописи из личных архивов Д.А. Клеменца, А.М. Позднеева, К.Ф. Голстунского,

Ц.Ж. Жамцарано, В.Д. Якимова, Б. Барадийна, Б.И. Панкратова, а также из тематических коллекций: «Монголия и Тибет», «Буряты и калмыки», «Материалы отдельных лиц». Список использованной литературы включает около 300 названий.

В первой главе — «Развитие теоретических взглядов на монгольский поэтический фольклор», посвященной изучению процесса формирования научных представлений и теоретических взглядов в России, на Западе и в самой Монголии на устное народное творчество монголов, автор представил обзор более чем двухвековой истории собирания и изучения монгольской лирики. Многолетний опыт собирательской и исследовательской деятельности предшественников, суммированный и обобщенный И.В. Кульганек, помогает воссоздать полную картину истории научного осмысления монгольского поэтического творчества, начиная от первых (лаконичных, но вместе с тем чрезвычайно важных) сведений о нем до научных теорий.

Историографическая часть монографии не ограничивается традиционным обзором изучения монгольской поэзии в его хронологической последовательности и локальной сосредоточенности (Россия, Запад, Монголия). И.В. Кульганек проецирует свое видение проблемы на историю формирования научных взглядов, теорий и методологических подходов российских, зарубежных и монгольских ученых. Автор выделяет приоритеты российских монголоведов, определивших главные признаки монгольской фольклорно-литературной традиции, ее закономерности, типологические и генетические корни, внесших большой вклад в теорию литературоведения и понимание процесса формирования образной и поэтической системы монгольского фольклора.

Примечательно, что в поле зрения автора находятся труды западных исследователей, обративших внимание прежде всего на высокий уровень словесного искусства монголов и рассмотревших монгольский фольклор в его основных проявлениях (структурном, субстанциональном, прагматическом и т.д.), во взаимосвязи с мировоззренческими представлениями и религиозной практикой монголов, в контексте культур других народов.

И.В. Кульганек останавливается на достижениях монгольских ученых в области

изучения жанровой специфики, национального своеобразия фольклорных произведений монголов и касается вопроса об идеологизированности научных концепций монгольских фольклористов, пытавшихся в свое время рассмотреть «народную» поэзию вне шаманской традиции.

Во второй главе — «Коллекции монгольского фольклора» автор, оперируя объемным фактическим материалом, систематизировав его и подвергнув структурному анализу, предлагает читателю список малых жанров монгольского поэтического фольклора, которые он обнаружил в самых различных источниках: в эпических произведениях, в исторических хрониках, в буддийской канонической литературе, в культовых текстах и в других разножанровых сочинениях. Это дает возможность представить жанровую палитру письменного и устного наследия монгольских народов, хранящегося в фондах ИВР РАН. Характеризуя данный материал, автор выделяет такие аспекты, как диалектные особенности, этническая или родовая принадлежность, социальный статус информанта, форма записи, наличие комментариев к фольклорному образцу, подтверждающие аутентичность и указывающие на научную ценность исследуемых фольклорных текстов.

Выявление фольклорного материала сопровождается в монографии анализом и комментариями (например, на наш взгляд, очень ценна информация о рукописи, которая представляет собой, по словам автора, «почти готовую к изданию „Ойратскую хрестоматию“, содержащую тексты на *тод бичиг*, в том числе фольклорные»). Вызывают интерес так называемые «неожиданные находки в фондах» — так автор обозначил выявленные им сведения об имеющихся «описаниях различных хубилганов и обо» и «текстах, произносившихся при благодарственных приношениях перерожденцам».

Вместе с тем, хотелось бы заметить, что вышеназванная глава была бы еще содержательней, если бы автор более полно раскрыл механизм определения жанровой принадлежности многочисленных фольклорных образцов, представленных в фондах в виде «текстов», и развил бы свой важный тезис об «ином представлении монголов о жанровой принадлежности произведений и иных принципах жанрового деления». Это по-

желание продиктовано тем, что проблема «жанровых обозначений», «нечеткого разграничения функциональных и художественных начал» литературных родов и фольклора монголов до сих пор не получила своего полного разрешения.

Третья глава — «Поэтика монгольской народной лирики» является логическим продолжением исследования жанрового многообразия монгольского поэтического фольклора, его структурных и художественных особенностей, прежде всего металогии и мнемотехники. В ней формульность монгольского фольклора связывается с особенностями поэтического мышления монголов, с их архаичным сознанием. Такой подход приводит к заключению, что «формула концентрирует в себе целый ряд ключевых закономерностей фольклорной эстетики и поэтики» и обеспечивает каноничность монгольской традиционной поэзии. Автор рассматривает отдельные приемы и принципы поэтического творчества монголов и определяет существенные, характерологические составляющие целого явления, такие как «ярко выраженная устойчивость закономерностей, наблюдаемая при создании образов и структуры (художественной формы)», фиксированность системы художественных образов, поэтических приемов. Эти и другие наблюдения приводят к мысли о существовании в монгольской традиционной поэзии канона, т.е. определенной эстетической нормы, художественно-поэтической традиции, а также системы правил построения текста. Автор объясняет сущность того, что скрыто в формулах монгольской лирики, вскрывает эстетические ценности народа, закодированные в формулах и фразеологизмах.

Концентрация на анализе формальных признаков поэтики монгольского фольклора, погружение в ее ассоциативный мир привело автора к важным обобщениям, например таким, что «мерой и критерием изображаемой в монгольском поэтическом фольклоре действительности является традиционность», что «традиционной идее, знанию, переживанию соответствует определенная формула». Однако не совсем ясно, как эта «формула» реализуется в поэтическом тексте многожанрового монгольского фольклора, как прослеживается ее устойчивость и традиционность.

Один из разделов третьей главы монографии посвящен отражению смеховой культуры в монгольской фольклорной традиции. Анализ лексики, отображающей различные оттенки смеха, изучение терминологического корпуса, семантики смеха, его разновидностей (юмористический и сатирический) дает основание определить высокий уровень смеховой культуры, многообразие эстетических чувств, остроту ума и оригинальность суждений монгольского народа.

Третья глава включает также раздел «Иносказание в монгольском поэтическом фольклоре», посвященный одному из обязательных элементов монгольской культуры и древних анимистических воззрений. Объясняя природу иносказаний, автор обращается к анализу традиционной обрядности монголов. Наличие «иноговорения» в свадебных и похоронных обрядах, во время охоты, перекочевков, в обращении с детьми, гостями, животными связывается с продуцирующей магией слов, со стремлением человека обезопасить себя от внешнего, неизвестного и потому опасного, мира. Рассмотрев жанрообразующие функции иносказаний, И.В. Кульганек приходит к выводу, что в основе загадок лежат слова-заместители, тематический состав которых определен «культурой, поэтической традицией, каноном». Анализ лексических элементов, выступающих в роли слов-заместителей, позволил исследователю определить характер распределения последних в загадках: 38% — о животном и растительном мире, насекомых и птицах; 51% — о человеке и его деятельности; 7% — о духовном мире человека и 5% — о явлениях природы. Количественные показатели стали основой для обобщений, в частности, автор отмечает, что самая малочисленная тематическая группа (о явлениях природы) представляет собой наиболее древний пласт. Было бы желательно, если бы данный тезис был подтвержден и другими аргументами.

Монография И.В. Кульганек свидетельствует об обширных знаниях автора в изучаемой области, о его широкой научной эрудиции. Творческие подходы к научному осмыслению разнообразного и объемного фактического материала, комплексный характер исследования, новизна суждений и теоретическая обоснованность выводов свидетельствуют о серьезности проделанной научной

работы и о существенном вкладе, внесенном автором данной работы в развитие отечественного литературоведения и монголоведения.

Результаты научных поисков и находок И.В. Кульганек важны для будущих литературоведческих и фольклористических монголоведных исследований других ученых, а выявленные материалы являются богатой источниковедческой базой для изучения бытования, поэтики, структуры и художественных особенностей монгольского фольклора.

Е.Э. Хабунова

Гончог-Чжигмэд-Ванбо. Повествование о жизни Всеведущего Чжамьян-Шадбий-Дорчже «Брод, ведущий к удивительно благому делу» / Введение, перевод, комментарии Н.В. Цыремпилова. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского научного центра СО РАН, 2008. — 312 с. (Рах Buddhica).

Рассматриваемое издание подготовлено известным бурятским ученым, специалистом по тибетской истории и тибето-монгольской археологии, хранителем тибетского и монгольского фондов ИМБТ СО РАН к.и.н. Н.В. Цыремпиловым. Оно представляет собой логическое завершение многолетней работы автора по переводу и исследованию биографии одного из самых знаменитых ученых буддистов в истории Тибета — Всеведущего Чжамьян-Шепы I (Чжамьян-Шадбы в монголизированном написании), Нгаванг Цондуя (1648–1721), автора классических учебников по различным философским дисциплинам, выдающегося йогина и ритуалиста, основателя великого монастыря Лавран Ташикыл (Дашичил в монголизированном написании), который стал главным оплотом буддийской учености в районе Амдо (Восточный Тибет).

Книга состоит из двух частей: 1) введения, в котором автор характеризует личность Чжамьян-Шепы I, текст его биографии и исторический фон эпохи, в которой ему пришлось жить; 2) перевода сочинения, которое занимает 123 листа тибетского ксилографа стандартного формата и 210 листов рукописи монгольского перевода. Русский перевод выполнен с тибетского языка, но монголь-